

Оригинальная статья
УДК 168 (30)
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-28-41>

Миросистемные основания наддисциплинарного синтеза: наброски к программе исследования динамики обществ на постсоветском пространстве

Анна Анатольевна Изгарская

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия,
aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Введение. Исследование процессов в обществах на постсоветском пространстве выходит за рамки любой отдельно взятой научной дисциплины. Существующие попытки междисциплинарного синтеза не позволяют преодолеть раздробленность научного знания. На основе идей И. Валлерстайна в статье описана структура оснований наддисциплинарного синтеза и с целью последующего синтеза с миросистемным подходом проведен анализ евразийской концепции – наиболее влиятельного в современной отечественной социальной науке междисциплинарного направления, исследующего процессы на постсоветском пространстве.

Методология и источники. Основаниями наддисциплинарного синтеза стали концепция миросистемного подхода И. Валлерстайна, характеристики макро-, мезо-, микросоциетальных уровней Дж. Тернера и идея четырех сфер социально-исторического бытия Н. С. Розова.

Результаты и обсуждение. Полученная структура наддисциплинарного синтеза является инструментом, который позволит: систематизировать имеющиеся наработки в области миросистемного подхода; обнаруживать существующие пробелы и восполнять их путем синтеза с направлениями, чьи результаты не противоречат миросистемному подходу; осуществлять критический анализ теорий, конкурирующих с миросистемным анализом парадигм, путем сравнения их эмпирических областей; планомерно расширять эмпирическую область миросистемной концепции. Традиция, заложенная евразийской историософией, является культуроцентричным направлением, имеющим дополнительные акценты в биотехносфере, социосфере и психосфере, что на современном этапе способствует его развитию как междисциплинарной области. В евразийстве отсутствует онтология мира как системы, включающей общества в структуры интерсоциетальных связей и выполняющей роль «сдерживающей среды» их развития. На основе евразийской концепции, имеющей антисистемное идеологическое основание, затруднительно объяснить стремление постсоветских государств встроиться в мировую систему, их взаимную конкуренцию и военные конфликты.

Заключение. Наддисциплинарный синтез с миросистемным анализом позволит евразийству преодолеть имеющиеся лакуны в онтологии и усилить объяснительный потенциал. Миросистемная интерпретация накопленного евразийством эмпирического багажа послужит расширению эмпирического поля миросистемного подхода.

Ключевые слова: наддисциплинарный синтез, сферы социально-исторического бытия, миросистемный подход, евразийство, постсоветское пространство

© Изгарская А. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Изгарская А. А. Миросистемные основания наддисциплинарного синтеза: наброски к программе исследования динамики обществ на постсоветском пространстве // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-28-41.

Original paper

World-systems Foundations of Supradisciplinary Synthesis: Program Outlines for Studying the Dynamics of Societies in the Post-Soviet Space

Anna A. Izgarskaya

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia,
aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Introduction. The study of processes in societies in the post-Soviet space exceeds the scope of any single scientific discipline. All the existing attempts at interdisciplinary synthesis do not allow to overcome the fragmentation of scientific knowledge. The article describes the structure of the foundations of the supradisciplinary synthesis based on the ideas of I. Wallerstein. An analysis of the concept of Eurasianism (which, in the author's opinion, is the most influential interdisciplinary direction in modern domestic social science that studies processes in the post-Soviet space) was carried out with the aim of subsequent synthesis with the world-systems approach.

Methodology and sources. The foundations of the supradisciplinary synthesis are the concept of the world-systems approach by I. Wallerstein, the characteristics of macro-, meso-, microsocietal levels by J. Turner, and the idea of four spheres of socio-historical existence by N. S. Rozov (biotechnosphere, psychosphere, cultural sphere, sociosphere).

Results and discussion. The resulting structure of the supradisciplinary synthesis is a tool that will allow: to systematize the existing developments in the field of the world-systems approach; to discover existing gaps and fill them by synthesis with directions that do not contradict the world-systems approach; to carry out a critical analysis of theories of competing paradigms with world-systems analysis by comparing their empirical areas; systematically expand the empirical field and develop the world-systems theory. The tradition laid down by the historiosophy of Eurasianism is a culture-centered direction with additional accents in the biotechnosphere, sociosphere and psychosphere. At the present stage this contributes to its development as an interdisciplinary field of research. In Eurasianism, there is no ontology of the world as a system that includes societies in the structures of intersocietal ties and acts as a "containment environment" for their development. The Eurasian concept has an antisystemic ideological basis, and for this reason it is difficult to explain on its basis the desire of the post-Soviet states to integrate into the world system, their mutual competition and military conflicts.

Conclusion. The supradisciplinary synthesis with world-systems analysis will allow Eurasianism to overcome the existing gaps in ontology and strengthen the explanatory potential. The empirical baggage accumulated by Eurasianism will receive a world-systems interpretation of processes in the post-Soviet space, which will serve to expand the empirical field of the world-systems approach.

Keywords: supradisciplinary synthesis, socio-historical existence, world-systems approach, Eurasianism, post-Soviet space

For citation: Izgarskaya, A.A. (2022), "World-systems Foundations of Supradisciplinary Synthesis: Program Outlines for Studying the Dynamics of Societies in the Post-Soviet Space", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-28-41 (Russia).

Если ученые не наведут порядок в своем доме, это сделают за них администраторы, если не политики. Я не очень верю в ученых, но в данный момент я думаю, что политики сделают свою работу еще хуже.

И. Валлерстайн «What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research?»

Введение. Исследования процессов в постсоветских обществах активно ведутся в разных социальных и гуманитарных дисциплинах, однако такие исследования являются изолированными и разрозненными. Разделенные политическими границами, рамками дисциплин и различиями онтологических оснований своих концепций группы ученых часто представляют собой замкнутые интеллектуальные анклав. При этом очевидным является факт: исследование последовавших после распада СССР процессов выходит за рамки любой отдельно взятой научной дисциплины. Изолированность часто пытаются преодолеть на основе междисциплинарного синтеза. Однако сторонники междисциплинарных подходов похожи на перебежчиков, которые на территории чуждых им дисциплин порой выглядят в глазах аборигенов малограмотными маргиналами, коверкающими принятую терминологию и не имеющими понятия о существовании нормализованных научных данных. Существуют также коллективные проекты, привлекающие для исследования процессов на постсоветском пространстве специалистов из разных научных отраслей (например, [1]). Научные результаты таких исследований, несомненно, оказываются весомее, каждый ученый описывает проблему в рамках своей дисциплины. Однако общность проблематики не обеспечивает единства онтологических и теоретических оснований, следовательно задача междисциплинарного синтеза не может быть решена.

Проблема синтеза научного знания не нова, она имеет солидную историю в философии науки. Например, эта идея присутствует в трудах основоположников марксизма, а также О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, в концепции тотальной истории школы «Анналов». Вклад в проблему внесли неопозитивисты, которые «стремились заложить фундамент эпистемологического монизма, “монизма без метафизики”» [2, р. 397]. В начале 1990-х гг. И. Валлерстайн призвал социологов встать на путь наддисциплинарного преодоления раздробленности знания (цит. по [3, с. 7]). Поставив задачу, он, однако, ее не решил, а лишь указал на существующие проблемы и возможный вариант их решения. Используя идеи Валлерстайна о состоянии современных социальных наук, попробуем сформулировать основные идеи наддисциплинарного синтеза. Подобные обобщения, как отметил Дж. Тернер, «в наше время немодно предлагать» [4, р. VII], но в качестве интеллектуального эксперимента, претендуя исключительно на обсуждение и конструктивную критику, предпримем попытку разработать наддисциплинарный теоретический инструментарий и на его основе в качестве примера провести анализ евразийской концепции – наиболее влиятельного в отече-

ственной социальной науке и политике направления, которое невозможно игнорировать при составлении программы исследования динамики постсоветских обществ.

Методология и источники. Основаниями наддисциплинарного синтеза стали концепция миросистемного подхода И. Валлерстайна, характеристики макро-, мезо-, микросоциетальных уровней Дж. Тернера [4–6] и идея четырех сфер социально-исторического бытия Н. С. Розова [7, с. 150–151]. Миросистемный подход выбран в качестве основания, задающего общий дискурс наддисциплинарного синтеза. В работах Валлерстайна предложена общая модель становления современного мира как системы, описаны основные ее характеристики, принципы функционирования и противоречия развития. Преимуществами концепции И. Валлерстайна являются, во-первых, наличие онтологии мира как системы, которая позволяет осуществлять сравнительный анализ включенных в нее подсистем и локальных обществ. Во-вторых, предложенная им теоретическая модель является инструментом анализа динамики конструируемых «извне внутрь» социальных единиц, структур и институтов разных социетальных уровней. В-третьих, в миросистемном подходе есть средства анализа факторов власти и социальных конфликтов.

Опора на миросистемный анализ может вызвать некоторые возражения. Есть мнение, что наддисциплинарный подход не может исходить из одного дискурса. Так утверждают, например, Дж. М. Бейер и С. Л. Арнольд: «Идея наддисциплинарных исследований означает подход, заимствованный из целого ряда дискурсов, но не принадлежащий ни одному из них» [8, р. 60]. Не отрицая такой возможности, отметим, что в социальных науках этого добиться чрезвычайно сложно и не только из-за огромного количества научных дисциплин, но и по причине существования конкурирующих парадигм, а следовательно, и конкурирующих дискурсов. Помимо этого, со времен Т. Куна принято считать, что «нормальная наука» развивается в рамках парадигмы, а научная деятельность подобна игре-головоломке с известными правилами. Следовательно, и в наддисциплинарном подходе должна быть парадигма и единые правила игры, такие правила возьмем в миросистемном подходе. Вариант, предложенный Дж. М. Бейером и С. Л. Арнольдом, обрекает наддисциплинарный подход в социальных науках на допарадигмальное состояние.

Еще одним возражением может быть идеологическая нагруженность марксизма, парадигмы, к которой принадлежит миросистемный подход. В этом отношении следует отметить, что идеологическая нейтральность в социальных науках – явление редкое. Научная теория, независимо от ее идеологической нагруженности, как инструмент познания эффективнее там, где теория получает развитие. Именно это мы можем констатировать, сравнивая судьбы марксизма в отечественной науке и за рубежом. На Западе марксизм стал одним из теоретических оснований начавшегося с середины 1960-х гг. «золотого века макросоциологии» [9, с. 75–78]. Способность интегрировать багаж разных направлений и дисциплин в целях исследования процессов социальной динамики является одним из главных достоинств миросистемного подхода. Эта способность объясняется тем, что, как отметил Н. Кадулиас в комментариях к статье Э. М. Шортман и П. А. Урбан «Жизнь на окраине: отношения ядра и периферии в древней юго-восточной Мезоамерике», «миросистемная концепция И. Валлерстайна, включая различные ее вариации, оказалась достаточно гибкой конструкцией» [10, р. 416]. В качестве теоретического основания она оказалась востребованной

в теории международных отношений, истории, географии, археологии, этнографии, экологии, сравнительном образовании, критической педагогике, социальной психологии. Существуют попытки синтеза миросистемного и цивилизационного подходов [11]. Сегодня уверенно можно говорить, что миросистемный подход де-факто становится основанием наддисциплинарного синтеза, и может быть поставлена задача систематизировать результаты этого процесса.

Следует отметить, что идея интерпретации наследия евразийцев на основе современного уровня социальной науки ранее была высказана О. В. Плебанек. В своей статье «Есть ли шанс у евразийского симулякра?» она указывала на «возможность рассмотреть эту концепцию исходя из новых подходов, включая весь методологический арсенал современного социально-гуманитарного знания» [12, с. 231].

Результаты и обсуждение. Прежде всего ответим на вопрос, почему И. Валлерстайн предлагал использовать наддисциплинарный, а не междисциплинарный синтез. Его основной тезис заключается в том, что социальные науки и междисциплинарные границы являются продуктом исторического развития миросистемы. На современном этапе социальная наука должна преодолеть заложенные в прошлом разделяющие ее дисциплинарные границы и создать новые, наиболее соответствующие современному состоянию мира и задачам, которые стоят перед учеными. В статье «What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research?» (1995) И. Валлерстайн в общих чертах описывает, как, начиная с 1850-х гг., формировались междисциплинарные границы в науках об обществе. Создание границ и формирование отдельных дисциплин в соответствии с его идеей – это «социальное решение, чреватое как краткосрочными, так и долгосрочными последствиями для распределения власти и ресурсов, и поддержания легитимности социальных институтов» [13, р. 840]. Валлерстайн указал на три мегаразлома, которые сформировали большую часть современной западной мысли: «прошлое/настоящее; Запад/не-Запад; государство/рынок/гражданское общество» [ibid.].

Дихотомия «прошлое/настоящее» сформировала водораздел между историей и социологией. Прочность данной границы была обусловлена процессом национального строительства в пяти странах: Великобритании, Франции, Германии, Италии и Соединенных Штатах. Национальные государства нуждались в легитимации и сдерживании «опасных классов». История была полезна, поскольку «ориентация на прошлое, на историю, основанную на идеографических предрассудках, превосходно подходила для создания национальной идентичности», а социология с ее «номотетической предвзятостью превосходно адаптировалась к планированию политики – необходимому инструменту рационального реформизма» [13, р. 844]. Продиктованная уникальной социально-исторической ситуацией становления национальных государств, дихотомия «прошлое/настоящее» в современных условиях оказывает негативное влияние на развитие науки. Будучи президентом Международной ассоциации социологов и определяя основную тематику конгресса в Монреале (1998 г.) И. Валлерстайн писал о единстве социологии и истории: «И как я не могу представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных внутрь исторического контекста, точно так же я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы называли социологией» [14, с. 126–127].

Следующая дихотомия «Запад/не-Запад» обусловила границы между номотетическими социальными науками и такими дисциплинами, как антропология и востоковедение. Дихотомия «прошлое/настоящее» здесь не работала, не западные народы рассматривались как внеисторичные. Однако их изучение было полезным, поскольку облегчало контроль над колонизируемыми народами. Антропология специализировалась на изучении «первобытных групп», характеристиками которых были «малочисленность, низкий уровень техники, отсутствие письменности» [13, p. 847]. «Высокие цивилизации», такие, как Китай, Индия, Персия, арабо-исламский мир, стали областью востоковедения, древней, имевшей корни в Средневековой европейской культуре, но обновленной в конце XIX в. дисциплины [ibid.]. Разграничение номотетических социальных наук в соответствии с триадой «государство/рынок/гражданское общество» сформировало три дисциплины для изучения «цивилизованного мира» – политологию, экономику и социологию [13, p. 848–851]. Следует также отметить, что разграничение по разлому «Запад/не-Запад» вносит еще одну общую характеристику в номотетические социальные дисциплины – европоцентризм¹. Он составляет основу геокультуры современного мира, идеологию глобального господства Запада. В утверждении глобальных стандартов геокультуры авторитет науки имеет большое значение, он придает им характер универсальных и транснациональных.

Поскольку границы дисциплин устарели, существующий междисциплинарный подход не вызывает у И. Валлерстайна одобрения. «Мультидисциплинарность по определению предполагает осмысленность существующих границ и опирается на них. Но меняющийся реальный мир и меняющийся интеллектуальный мир серьезно подорвали легитимность этих границ. Таким образом, мультидисциплинарность – это строительство на песке» [13, p. 853]. Выход из сложившейся ситуации ученый видел, во-первых, в изменении принципов и механизмов научной, а также образовательной деятельности в университетах. Во-вторых, выражая некоторые сомнения в эпистемологической оправданности, он видел перспективы в отказе от существующих дисциплинарных границ в пользу способа, который «на протяжении последних двадцати лет стал использоваться де-факто как вполне реальный раскол в социальных науках» [ibid.]. Таковым, по мнению Валлерстайна, является деление исследований между макро – микро или глобальным – локальным.

Примером преодоления раздробленности знания на основе границ между глобальным и локальным, но с сохранением междисциплинарного подхода может быть попытка, предпринятая сторонниками исторического анализа миросистем² П. Мэннингом и С. Рави [16]. Данная попытка подтверждает мысль И. Валлерстайна о том, что междисциплинарный подход укрепляет устаревшие границы социальных дисциплин. П. Мэннинг и С. Рави конструируют сложное многомерное социальное пространство как основание для разработки всемирно-исторического архива данных. Для этого они соотносят четыре социальные области, а именно население, экономику, общество и политику, с соответствующими им символичес-

¹ И. Валлерстайн осуществил критику европоцентризма в статье «Eurocentrism and its Avatars: the Dilemmas of Social Science» (1997) [15].

² Одно из направлений миросистемного подхода, распространяющее предложенную И. Валлерстайном модель миросистемы на докапиталистические общества. П. Мэннинг в своих работах делает ссылки на труды таких представителей данного направления, как К. Чейз-Данн и Т. Холл.

кими системами анализа – дисциплинами: демографией, экономикой, социологией и политологией. Для упорядочивания взаимосвязей между дисциплинами они устанавливают их границы, указывая «цель, объем, основные переменные, измерения..., ключевые переходы, процессы и институты для каждой дисциплины, и то, как основные входы и выходы дисциплинарных систем связаны друг с другом» [16, р. 24]. П. Мэнинг и С. Рави выражают надежду, что их модель будет общепринятой, и что их «усилия по объединению широкого диапазона современных теорий и практик социальных наук существенно продвинули теорию всемирно-исторических изменений и взаимодействия» [16, р. 23]. Однако предложенная ими модель обнаруживает существенные пробелы при попытке ответить на ряд вопросов. Во-первых, остается неясным, почему из всего многообразия существующих на сегодняшний день дисциплин эти ученые выбрали демографию, экономику, социологию и политологию? Разве данные таких дисциплин, как антропология, культурология, теория международных отношений, психология и других, не имеют существенного содержания для всемирно-исторического архива? Во-вторых, каждая из дисциплин содержит конкурирующие парадигмы и соответствующие различия в теоретической нагруженности фактов. В связи с этим остается непонятным, как эти различия будут отражены или устранены в конструируемом всемирно-историческом архиве данных. На эти вопросы нет ответов, так как проект построения такого архива не получил развития.

Опишем последовательно три основания наддисциплинарного синтеза и проведем анализ потенциала евразийской концепции для последующего его использования в исследовании динамики обществ на постсоветском пространстве (см. рисунок).

Структура оснований наддисциплинарного синтеза
The structure of the foundations of the supradisciplinary synthesis

Каждое основание включает соответствующие его содержанию четыре характеристики. В социально-историческом бытии выделены такие сферы, как биотехносфера, психосфера, культуросфера, социосфера. Социетальные уровни подразделяются на супермакро-,

макро-, мезо- и микроуровни. Общие свойства миросистемы описывают супермакроуровень, поэтому в миросистемном анализе использованы следующие четыре структуры: гегемон системы, ядро, полупериферия, периферия. Сочетание этих характеристик формируют шестьдесят четыре взаимосвязанных области исследования социально-исторического бытия. Полученный инструмент, во-первых, позволит систематизировать имеющиеся наработки в области миросистемного подхода. Такая систематизация может быть начата с анализа статей в *Journal of World-Systems Research*. Во-вторых, соотнесение результатов систематизации с разработанной структурой наддисциплинарного синтеза позволит обнаружить существующие пробелы и восполнить их путем синтеза с направлениями, чьи результаты миросистемному подходу не противоречат. В-третьих, полученный инструментарий даст возможность осуществлять критический анализ теорий, конкурирующих с миросистемным анализом парадигм, путем сравнения их эмпирических областей. К таковым следует отнести и концепцию «Россия–Евразия». В-четвертых, появится возможность планомерно расширять эмпирическую область и развивать теоретические основания миросистемной концепции.

В качестве одного из оснований наддисциплинарного синтеза выступила идея Н. С. Розова о четырех сферах социально-исторического бытия, которые он описывает следующим образом: «Биотехносфера (материальный мир) – биологическая природа индивида и популяции, окружение живой и неживой природы, часто материальные аспекты техники, производства и их последствий... Психосфера – все психические свойства, процессы, неотчуждаемые от человека компоненты менталитета... Включает в себя неосознанные установки, мотивы, потребности, страхи, влечения, причем не только индивидуальные, но также групповые и массовые, объективную реальность устной речи. <...> Культуросфера – пространство образцов (в смысле Кребера), отчуждаемых от человека и передающихся из поколения в поколение. <...> Социосфера – объединяет социальные, политико-правовые и экономические сущности и процессы» [7, с. 150]. Четыре сферы социально-исторического бытия задают самую общую онтологию для синтеза и позволяют видеть акценты и отсутствующие области в онтологических основаниях синтезируемых направлений и теорий. Например, онтологические основания цивилизационных концепций, антропологии, культурологии, искусствоведения имеют акцент в культуросфере; теоретические построения политологии и социология – в социосфере. При этом разные парадигмы, теории, существующие в рамках одной дисциплины, могут иметь дополнительные акценты в разных сферах. Так, например, классический марксизм делает акцент на социосферу и биотехносферу, веберизм акцентирует социосферу, биотехносферу и культуросферу. Традиция, заложенная евразийской историософией, является культуроцентричным направлением, имеющим дополнительные акценты в биотехносфере, социосфере и психосфере, что на современном этапе способствует его развитию как междисциплинарной области.

Следующее основание в соответствии с идеей И. Валлерстайна должно отражать имеющийся в современной науке раскол на макро/микро. На сегодняшний день наиболее полное, поражающее грандиозностью замысла описание макро-, мезо-, микросоциетальных уровней осуществлено Дж. Тернером [4–6]. Привлекательность его теоретических построений заключается в том, что он не только описал социетальные уровни, но и обозначил их структурные связи, таким образом создав довольно стройную и одновременно простую

систему. Однако макроуровень Дж. Тернера представляет собой уровень общества в рамках национального государства, имеющего внешние связи. Так, он пишет: «Общества состоят из институциональных областей и систем стратификации... Общества также являются геополитическими единицами, которые регулируются институциональными доменами, в частности государством и законом, в пределах определенной территории» [4, р. 38]. В макроуровень Тернер включает связи между обществами, но наличие «межсоциальных связей» недостаточно для описания свойств миросистемы. В связи с этим введем супермакроуровень – уровень мира как глобальной системы, в основных своих характеристиках представленный в концепции И. Валлерстайна.

Супермакроуровень социальной реальности состоит: из международной системы разделения труда в процессе производства и распределения капитала; системы международных институтов (финансовых, безопасности, правовых и др.); системы средств геоэкономической и геополитической конкуренции за господство (или более благоприятную нишу в системе разделения труда); «геокультуры» (системы либеральных ценностей, обеспечивающих свободу передвижения капитала и товаров в миросистеме). Основные динамические силы супермакроуровня: расширение миросистемы, формирование международного порядка, конкуренция, интеграция, дезинтеграция, глобальные войны.

Макроуровень социальной реальности, по Дж. Тернеру, состоит из выделившихся в процессе эволюции институциональных связей (экономики, государственного устройства, права, религии, родства, образования, науки и др.); систем стратификаций, состоящих из групп, которые получают различные по уровням и типам ресурсы и обнаруживают поведенческие и организационные сходства; регулируемых центрами власти и занимающих некоторую территорию обществ; «интерсоциетальных систем, состоящих из отношений между обществами, ...когда субъекты внутри институциональных областей в двух или более обществах формируют социальные отношения» [4, р. 12–13]. Основные динамические силы макроуровня: население, производство, распределение, регулирование, воспроизводство.

Мезоуровень социальной реальности составляют корпоративные и категориальные единицы. Корпоративные единицы – «структурные единицы, выявляющие разделение труда для реализации по-разному определяемых целей». Среди основных корпоративных единиц Дж. Тернер выделяет группы, организации и сообщества [4, р. 15]. Под категориальными единицами он понимает «структурные единицы, созданные членами популяции, составляющие различия между людьми, предположительно имеющими идентифицирующие характеристики» [ibid.]. Наиболее значимыми Дж. Тернер называет те, что сформированы на основе различий по полу, возрасту, этнической принадлежности, социальному классу. Это могут быть любые другие различия, которые помещают людей в особую категорию.

Микроуровень социальной реальности – уровень взаимодействия личностей «лицо к лицу», включающий эпизоды взаимного осознания и управления без прямого личного контакта [4, р. 16]. В качестве микродинамических сил Дж. Тернер называет эмоции, мотивации, культуру (нормативизация ожиданий); роли; статусы; демографические характеристики и экологию (границы, части и характеристики пространств и соответствующие им символические значения) [4, р. 17].

Будем полагать, что процессы и состояние миросистемы создают «сдерживающую среду» для макроуровня, т. е. включенных в миросистему обществ. Институциональные области и система стратификации макроуровня действуют как «сдерживающая среда» для системных корпоративных и категориальных единиц мезоуровня и косвенным образом ограничивают микродинамику [4, p. 18].

Анализ евразийства с позиции социетальных уровней показывает, что основной предмет исследования «Россия–Евразия» является образованием макроуровня. При этом внимание представителей данного направления, как правило, сосредоточено на преобразовании интерсоциетальной системы отношений между двумя исторически сложившимися системами институциональных связей, а именно «лесом» и «степью», в единую евразийскую социокультурную общность. Супермакроуровень как определяющая развитие и «сдерживающая среда» здесь не представлен. Дело в том, что в работах основоположников евразийства, как и в большинстве исследований современных ученых данного направления, присутствуют свойственные их общим предшественникам, славянофилам, неприятие и критика всего «европейского». При этом «европейское» трактуется не как историческое основание способной к расширению глобальной системы, а как локальное – цивилизационное образование, тождественное «евразийскому», при этом последнее, если следовать идеям Н. Я. Данилевского, представляет собой более качественный и перспективный «культурно-исторический тип».

На мезо- и микроуровнях евразийство устанавливает соответствующие идентифицирующие характеристики для тех групп и индивидов, которые должны быть у носителей евразийской идеологии. Супермакроуровень в идентифицирующих характеристиках, как правило, отсутствует. Приведем пример: современные представители евразийского направления А. В. Иванов и С. М. Журавлева отмечают, что «человек чаще всего представляет собой целый ансамбль (или “матрешку”) идентичностей, которые формируются у него постепенно в ходе социализации, при исполнении своих профессиональных и гражданских обязанностей» [17, с. 338]. При этом евразийская идентичность, которая может быть основанием национально-культурной, гражданской и локально-цивилизационной идентичности, здесь резко противопоставляется космополитизму. Космополитизм, «провозглашение себя “гражданином мира”» данными авторами рассматривается как «вырожденный случай национальной самоидентификации» [17, с. 346]. Иными словами, в эпоху глобализации и роста глобальных проблем, существования международных институтов и систем космополитизм как «провозглашение себя “гражданином мира”» исключается из евразийского «ансамбля (или “матрешки”) идентичностей». В методологическом плане процессы и явления супермакроуровня являются слабым местом евразийской концепции. Такие вопросы как, что есть мир, является ли он системой, как евразийская общность встроена в мир, здесь не акцентируются. Возникнув как направление русской историософской мысли в 1920-е гг., евразийская концепция оказалась востребованной политическими и интеллектуальными элитами обществ на постсоветском пространстве. Однако в отличие от марксизма, который имел на уровне теории представление о мире как о системе, что нашло отражение в монографии Р. Люксембург «Накопление капитала» (1913) и в работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917), в евразийской концепции такая онтология отсутствовала.

В качестве следующего основания наддисциплинарного синтеза использована структура миросистемы, которая отражена в иерархии социальных отношений «ядро–полупериферия–периферия». Данная иерархия представляет собой структуру социальных ниш выживания включенных в миросистему обществ и отражает место общества в системе производства и распределения капитала. Общества ядра, как правило, имеют многоотраслевую, передовую для своего времени экономику, реализуют на мировом рынке высокотехнологичные товары и аккумулируют большую часть мировых богатств. Ядро неоднородно. Одно из государств ядра играет роль гегемона. Такое государство наиболее четко обнаруживает себя после мирового военного конфликта, поскольку на новом уровне восстанавливает разрушенный войной международный порядок. Оно обладает экономическим, финансовым и военным превосходством, служит для государств и обществ миросистемы образцом развития, способно длительное время поддерживать финансовую и осуществлять территориальную экспансию на глобальном уровне.

Полупериферийными на современном этапе являются общества, которые специализируются на трудоемких производствах товаров массового потребления. Полупериферийные государства способны аккумулировать значительный капитал. При благоприятных условиях они могут расширять территорию своего влияния за счет периферии. Территориально обширные полупериферии имеют возможность частично разрывать связи с ядром и существовать относительно автономно. Как правило, на уровне полупериферийных обществ формируется государство-челленджер, способное оспорить существующий мировой порядок. Характерной чертой такого государства является формирование идеологии противостояния гегемону и ядру – антисистемной идеологии. Периферии являются источниками сырья и/или дешевой рабочей силы. Периферии могут быть внешними, такие общества имеют свою государственность, и внутренними, т. е. включенными в пространство государств ядра или полупериферии.

В терминах миросистемного подхода евразийская концепция может быть рассмотрена, с одной стороны, как описание представителями конкурирующего направления процесса территориального расширения конкретного полупериферийного государства и конвергенции целого ряда культур и социальных систем в единую социально-политическую общность. Наиболее значимым результатом здесь является то, что представителям этого направления удалось обобщить огромную базу данных по истории и этнографии народов России. С другой стороны, сама евразийская концепция должна быть отнесена к типу антисистемных идеологий. Ее возникновение может быть понято как реакция славянофильского направления историософии на процессы периферизации России, начавшиеся в послепетровскую эпоху и обострившиеся к началу Первой мировой войны. При этом миросистемный анализ позволяет видеть противоречия, которые обнаруживаются у евразийской концепции при столкновении с фактами.

Евразийская концепция была принята на вооружение политическими и интеллектуальными элитами ряда бывших советских республик после распада СССР, однако ее антисистемное содержание оказалось невостребованным, поскольку бывшие советские республики активно встраивались в международную систему разделения труда. Это обстоятельство породило попытки реформирования идей евразийства и превращения его в просистемную идеологию. Например, авторы монографии «Евразийство: ключевые идеи, ценно-

сти, политические приоритеты» (2007) утверждают, что «укореняясь в своей евразийской культурно-национальной почве и храня свое евразийское достоинство, мы гораздо более нужны и важны Западу, чем в роли подражателя» [18, с. 33]. После 2014 г. антисистемное содержание евразийской концепции снова оказывается востребованным у российской политической элиты. Однако появляется другое противоречие: конвергенция разных культур и обществ в евразийское пространство трактовалось основоположниками как мирный процесс «братания» народов на основе многовековой исторической общности, а не как результат военного насилия. Иными словами, с позиции аутентичной евразийской концепции затруднительно объяснить и стремление постсоветских государств встроиться в мировую систему, и их взаимную конкуренцию, и тем более военные конфликты между ними. Эти недостатки теоретической конструкции евразийства уверенно решаются на основе миросистемного подхода.

Заключение. Следует признать, что основания наддисциплинарного синтеза описаны в самых общих чертах, а в качестве результата может быть предложена лишь заявка на будущие исследования. Однако и сейчас очевидно, что полученная модель позволит создать более полную базу всемирно-исторического архива, чем теоретическая конструкция П. Мэннинга и С. Рави. Помимо этого, проведенный анализ евразийской концепции дает возможность утверждать, что наддисциплинарный синтез с миросистемным анализом даст возможность современному евразийству преодолеть имеющиеся лакуны в онтологии и усилить объяснительный потенциал. В евразийской концепции отсутствует онтология мира как включающей общества системы. Объяснения встраивания в мировую систему, а также конкуренции и военных конфликтов между евразийскими обществами приводят или к отказу от базовых идей евразийства, или к их трансформации в соответствии с политической конъюнктурой. Синтез будет полезен и для представителей миросистемного подхода. Область территориальной динамики России и судеб ее внутренних и внешних периферий продолжает оставаться слабым местом миросистемного анализа. Поэтому накопленный евразийством эмпирический багаж, а также анализ генезиса и развития самой концепции, как в ее историософском, так и в идеологическом ключе, могут быть полезными в целях интерпретации процессов на постсоветском пространстве и могут послужить устранению белых пятен эмпирического поля миросистемного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: в 2 т. СПб.: Ун-т при МПА ЕврАзЭС, 2017.
2. Alvargonzalez D. Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, Transdisciplinarity, and the Sciences // *International Studies in the Philosophy of Science*. 2011. Vol. 25, № 4. P. 387–403. DOI: 10.1080/02698595.2011.623366.
3. Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик (вступ. ст.) // Валлерстайн И. *Миросистемный анализ: введение* / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 5–42.
4. Turner J. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 1. *Macro-dynamics*. NY: Springer, 2010. DOI: 10.1007/978-1-4419-6228-7.
5. Turner J. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 2. *Micro-dynamics*. NY: Springer, 2010. DOI: 10.1007/978-1-4419-6225-6.

6. Turner J. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 3. Mesodynamics. NY: Springer, 2012. DOI: 10.1007/978-1-4419-6221-8.
7. Розов Н. С. *Философия и теория истории*. Кн. 1: Прологомены. М.: Логос, 2002.
8. Beier J. M., Arnold S. L. *Becoming Undisciplined: Toward the Supradisciplinary Study of Security* // *International Studies Review*. 2005. Vol. 7, iss. 1. P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2005.00457.x>.
9. Коллинз Р. *Золотой век макроисторической социологии* // *Время мира*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. С. 72–89.
10. Schortman E. M., Urban P. A. *Living on the edge: core/periphery relations in ancient southeastern Mesoamerica* // *Current Anthropology*. 1994. Vol. 35, № 4. P. 401–430. DOI: 10.1086/204293.
11. Wilkinson D. *Civilizations Are World Systems!* // *Civilizations and World Systems: Studying World-Historical Change* / ed. by S. K. Sanderson. Walnut Creek: AltaMira Press, 1995. P. 248–260.
12. Плебанек О. В. *Есть ли шанс у евразийского симулякра? // Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век* / под ред. И. Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022. С. 230–292.
13. Wallerstein I. *What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research?* // *Social Research*. 1995. Vol. 62, № 4. P. 839–856.
14. Валлерстайн И. *Социология и история: призыв Эмиля Дюркгейма* // *Время мира*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. С. 124–127.
15. Wallerstein I. *Eurocentrism and its Avatars: the Dilemmas of Social Science* // *Sociological Bulletin*. 1997. Vol. 46, № 1. P. 21–39.
16. Manning P., Ravi S. *Cross-Disciplinary Theory in Construction of a World-Historical Archive* // *J. of World-Historical Information*. 2013. Vol. 1, № 1. P. 15–39. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwhi.2013.3>.
17. *Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития* / под ред. А. В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022.
18. *Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты* / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. Барнаул: Азбука, 2007.

Информация об авторе.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 95 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.08.2022; принята после рецензирования 14.09.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.*

REFERENCES

1. *Eurasian integration: origins, problems, prospects* (2017), in 2 vol., Univ. associated with IA EAEC, SPb., RUS.
2. Alvargonzalez, D. (2011), "Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, Transdisciplinarity, and the Sciences", *International Studies in the Philosophy of Science*, vol. 25, no. 4, pp. 387–403. DOI: 10.1080/02698595.2011.623366.

3. Derlugian, G. (2018) "The most inconvenient theorist (introductory article)", *Wallerstein I. World-system analysis: Introduction*, Transl. by Tyukina, N., Moscow, LENAND, RUS, pp. 5–42.
4. Turner, J. (2010), *Theoretical Principles of Sociology*, vol. 1. Macrodynamics, Springer, NY, USA. DOI: 10.1007/978-1-4419-6228-7.
5. Turner, J. (2010), *Theoretical Principles of Sociology*, vol. 2. Microdynamics, Springer, NY, USA. DOI: 10.1007/978-1-4419-6225-6.
6. Turner, J. (2012), *Theoretical Principles of Sociology*, vol. 3. Mesodynamics, Springer, NY, USA. DOI: 10.1007/978-1-4419-6221-8.
7. Rozov, N.S. (2002), *Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 1. Prolegomeny* [Philosophy and theory of history. Book. 1. Prolegomena], Logos, Moscow, RUS.
8. Beier, J.M. and Arnold, S.L. (2005), "Becoming Undisciplined: Toward the Supradisciplinary Study of Security", *International Studies Review*, vol. 7, iss. 1, pp. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2005.00457.x>.
9. Collins, R. (1998), "The Golden Age of Macrohistorical Sociology", *The World Time 1, The Historical Macrosociology in the 20-th Century*, in Rozov, N.S. (ed.), Izd-vo NGU, Novosibirsk, RUS, pp. 72–89.
10. Schortman, E.M. and Urban, P.A. (1994), "Living on the edge: core/periphery relations in ancient southeastern Mesoamerica", *Current Anthropology*, vol. 35, no. 4, pp. 401–430. DOI: 10.1086/204293.
11. Wilkinson, D. (1995), "Civilizations Are World Systems!", *Civilizations and World Systems: Studying World-Historical Change*, Sanderson, S.K. (ed.), Walnut Creek, AltaMira Press, pp. 248–260.
12. Plebanek, O.V. (2022), "Does the Eurasian simulacrum stand a chance?", *Sovetskaya tsivilizatsiya i evraziiskaya ideya: dve istorii dlinnoyu v vek* [Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories], in Kefeli, I.F. (ed.), Petropolis, SPb., RUS, pp. 230–292.
13. Wallerstein, I. (1995), "What Are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research", *Social Research*, vol. 62, no. 4, pp. 839–856.
14. Wallerstein, I. (1998), "Sociology and history: the call of Emile Durkheim", *The World Time 1, The Historical Macrosociology in the 20-th Century*, in Rozov, N.S. (ed.), Izd-vo NGU, Novosibirsk, RUS, pp. 124–127.
15. Wallerstein, I. (1997), "Eurocentrism and its Avatars: the Dilemmas of Social Science", *Sociological Bulletin*, vol. 46, no. 1, pp. 21–39.
16. Manning, P. and Ravi, S. (2013), "Cross-Disciplinary Theory in Construction of a World-Historical Archive", *J. of World-Historical Information*, vol. 1, no. 1, pp. 15–39. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwhi.2013.3>.
17. *Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoi k dukhovno-ekologicheskoi strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development] (2022), in Ivanov, A.V. (ed.), Novyi format, Barnaul, RUS.
18. Ivanov, A.V., Popkov, Yu.V., Tyugashev, E.A. and Shishin, M.Yu. (2007), *Evraziistvo: klyuchevye idei, tsennosti, politicheskie prioritety* [Eurasianism: key ideas, values, political priorities], Azbuka, Barnaul, RUS.

Information about the author.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy) (2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 95 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.08.2022; adopted after review 14.09.2022; published online 22.11.2022.